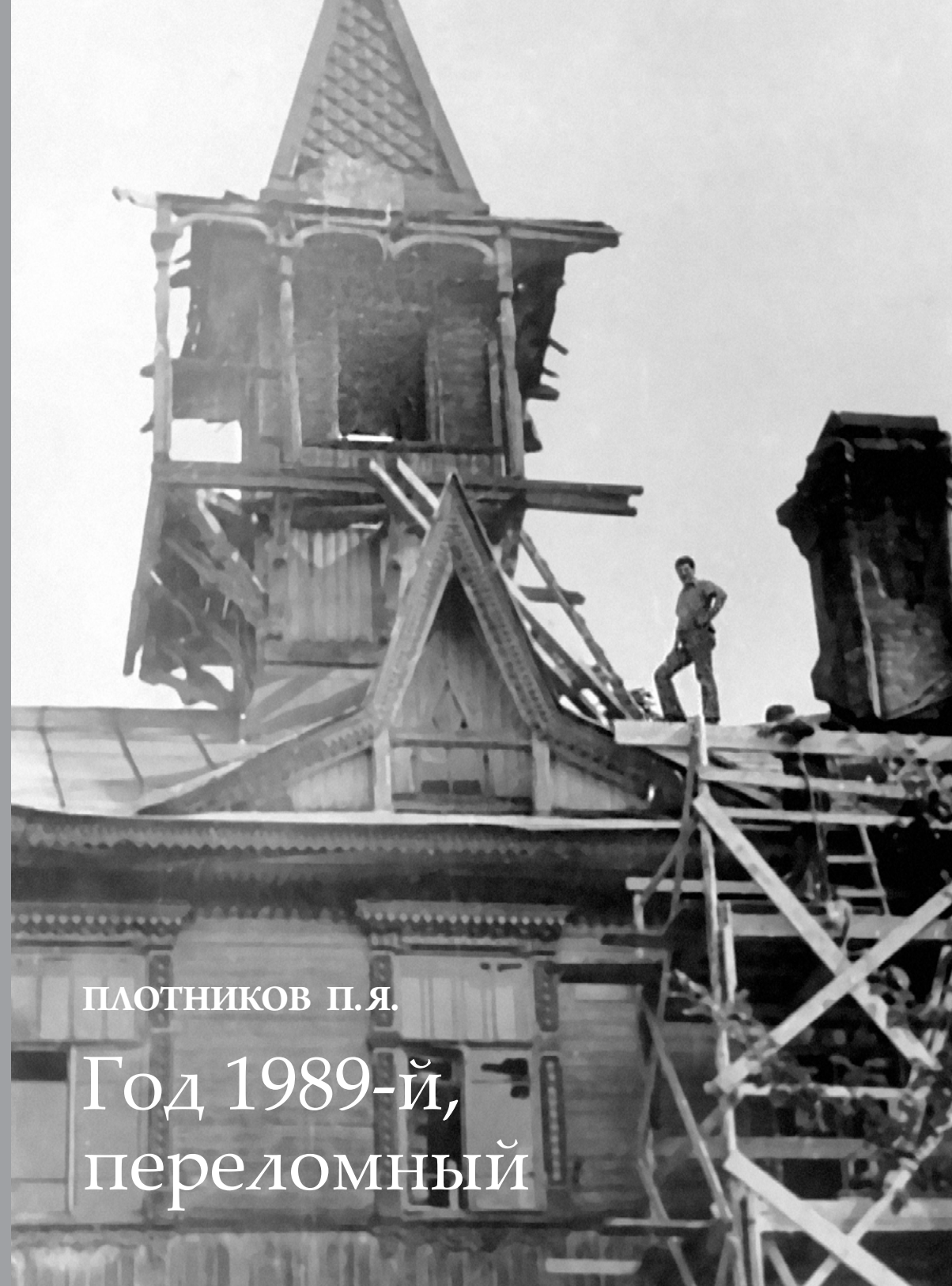

Пётр Яковлевич Плотников родился 3 января 1956 года в семье потомственных трезвенников Братца Иоанна Чурикова (по линии отца в 4-м поколении, по линии матери в третьем). Всю свою жизнь с детства и до конца жизни регулярно посещал духовные беседы, проповедовал Слово Божие, был активным членом Общины трезвенников, а последние 6 лет председателем Православного общества христиан-трезвенников при Храме Феодоровской иконы Божией Матери. Начиная с 2000 года Община начала собираться при Храме после литургии, и автор стал членом прихода Феодоровского Собора, практически каждое воскресенье участвуя и в литургии, и в духовных беседах Общины.

Пётр Яковлевич был сам глубоко верующим христианином и показывал пример трезвой, православной жизни своим близким и всей Общине. отошел ко Господу 24 января 2022 года.

ПЛОТНИКОВ П.Я.

Год 1989-й,
переломный

Плотников П. Я.

Год 1989-й,
переломный

2022

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 82-94
ПЗ9

1989 год, переломный / Петр Яковлевич Плотников — СПб.: 2022. — 76 с.
— 100 экз. — ISBN 978-5-6048600-1-4

Эту работу Петр Яковлевич Плотников писал на протяжении нескольких лет, и она – итог его долгих переживаний, размышлений и воспоминаний о событиях в Обществе трезвенников Братца Иоанна Чурикова в 1989-1990 годах. Взгляд человека изнутри и со стороны порой сильно различается...

Автор был непосредственным участником тех исторических перемен в Обществе, и поэтому его воспоминания трудно переоценить.

ISBN 978-5-6048600-1-4

© П.Я. Плотников, 2022
Фото из семейного архива

Фото 1. Трезвенники после первого собрания в Доме (конец июня 1989 г).

*Первый ряд: Николай Евдокимов, Павел Глинский, Елена Савельева,
Вера Глинская, Зоя Васильевна Комиссарова.*

*Второй ряд: Геннадий Степанович Афанасьев, Петр Плотников,
Михаил Петрович Комков, Вячеслав Косачев, Василий Николаевич
Жогаров, Владимир Николаевич Глинский, Екатерина Васильевна
Минькова, Геннадий Трощенко.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Несколько слов о Доме Братца Иоанна в Вырице.....	6
Перестройка.....	13
Некоторые истории.....	40
Работа в радость.....	44
Распорядок работ.....	48
Но, к сожалению, планы оказались не выполнимы.....	50
Приглашение А. И. Синникова.....	51
Первый конфликт.....	54
Идейные разногласия.....	56
Выборы.....	58
Раскол.....	63
Новая жизнь.....	65
Обуховский дом.....	70
Послесловие.....	73

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередной раз я открыл семейный альбом, и внимание мое снова привлекла знакомая фотография. Фото выполнено Юрием Ивановичем Савельевым в далеком 1989 году. На нем запечатлена небольшая группа трезвенников на ступенях Дома Братца в Вырице. Лица радостные, но в тоже время решительные и сосредоточенные. Этому снимку более 30 лет.

И снова потекли воспоминания. Долго, очень долго я не решался их предать бумаге. Да и сейчас одолевают сомнения: кому это интересно? Но поскольку участников тех событий осталось совсем немного, и стали распространяться вымышленные факты и нелепые слухи о том переломном событии в истории общества трезвенников Братца Иоанна, то мне ничего не остается, как сказать правду. Конечно, каждому человеку свойственна субъективность, я это сознаю; а поскольку сознаю, буду стараться, чтобы она была минимальной.

Возвращаюсь к снимку. Только что прошло первое собрание инициативной группы, на котором обсуждались планы ремонта Дома Дорогого Братца, совсем недавно переданного общине в бессрочное пользование. Дом большой, 2-х этажный, многие трезвенники впервые побывали внутри Дома и увидели, в каком разрушенном состоянии он находится. Средств на восстановление нет, богатых благотворителей нет. Как организовать работу по реконструкции, где брать строительные материалы, каких специалистов и где привлекать, как охранять, как вести финансовую деятельность, как, как, как???

Но была радость, что началась новая, свободная жизнь трезвенников Братца Иоанна. Подумать только: 60 лет Дом был в запустении и поругании, отобран у общества трезвенников Советской властью в прекрасном состоянии, а сейчас отдан в полуразрушенном, критическом. Однако мы дожили до этих времен, когда снова вошли в Дом на правах собственников. А многие и многие наши братья и сестры мечтали об этом, но увы, – не дожили. В этом Доме много лет жил Дорогой Братец, а мы наследники его дела. Да, мы люди разного возраста, да, мы воспитывались в разных условиях, да, мы имеем разные характеры. Но мы любим Братца и его дело, и мы готовы поддерживать огонек трезвости и трудиться вместе, отбросив свои человеческие слабости.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДОМЕ БРАТЦА ИОАННА В ВЫРИЦЕ

Более 125 лет тому назад Братец Иоанн пришел странником в Петербург, и, благодаря его неустанным трудам и молитвам, стало возрастать общество народных трезвенников. Бывшие пропащие люди, а ныне убежденные трезвенники, имевшие ремесло, мастеровые с «золотыми руками» мечтали иметь свои дома, или дачи, чтобы честно трудиться и содержать свои большие семьи. Братец Иоанн поддерживал эти мечты и также хотел, чтобы трезвенники жили и работали вместе. В процессе поисков такого дачного места, решили остановиться в Вырице. Этот тихий поселок на берегах реки Оредеж понравился Братцу и его спутникам. В 1905 году был куплен участок земли на берегу реки и началось строительство Дома Братца. Строили своими силами на добровольные пожертвования. На первом этаже большой зал для бесед, а на втором – столовая, гостиная, комната для сестриц и маленькие спальни и кабинет самого Братца. Дом стал украшением поселка: резные наличники окон и балкона, башенка на крыше; – все вызывало восхищение.

Новоселье состоялось 29 июня 1906 года (по другим данным 29.06.1907г.). После окончания постройки Дома, стали застраиваться трезвенниками и близлежащие участки земли. Появилась особая застройка: «Колония трезвенников Братца Иоанна Чурикова» с уличным освещением и водонапорной башней. Последователи Братца построили свои магазины, хлебопекарню, сапожную мастерскую, мельницу. В те времена Вырица активно застраивалась дачниками. Были организованы бригады плотников. Учитывая, что работники этих бригад были всегда трезвы, трудились честно и качественно, авторитет их был очень высок.

Мои деды (по линии бабушки) братья Колобовы также построили дом в колонии трезвенников. Отдельные дома из колонии сохранились до настоящего времени, однако они уже весьма ветхие, а наследники, наверное, и не знают истории своих предков.

Дорогой Братец жил в этом Доме, выезжая в город на беседы: сначала в Петровский парк, потом в Обухово, Новый переулок. Наконец, ког-

да Советской властью был отобран дом в Обухово в 1928 году, Братец безвыездно живет в Вырице и здесь проводит беседы. Все 10 лет существования Коммуны БИЧ Дом служил трезвому обществу: здесь коммунары питались, решали хозяйственные дела, принимали гостей, занимались с детьми и т.д. Конечно, Дом был свидетелем множества чудес и исцелений, проявленных Господом через Дорогого Братца.

Мой дед Плотников Варфоломей Алексеевич и бабушка Колобова Татьяна Васильевна, будучи коммунарами, с благословения Братца создали семью. В 1925 родился первенец Алексей, а через два года в 1927 году родился еще один мальчик, и родители хотели назвать его Федором или Федулом. Перед крещением в церкви младенца принесли для благословения к Братцу, и во дворе Дома состоялся такой разговор: – Дорогой Братец, благослови младенца, хотим крестить с именем Федул. Братец сказал: – Федул, Федул, что губы надул? Пусть лучше будет Яков, Яшка-Яшка, красная рубашка, красноармейцем будет.

Так мой отец получил имя и благословение от Дорогого Братца. Он, рассказывая об этом, всегда добавлял: Братец предвидел, что я буду красноармейцем. Отец служил в Армии после войны 7 лет, и за годы службы ему даже не присвоили звания ефрейтора (т.к. его отец был осужден за религиозные взгляды).

Конечно, нашей семье, как и всем трезвенникам, очень дорог Дом Братца. В 1929 году он был отнят от общества и национализирован. Долгие 60 лет трезвенники ходили мимо него и не имели возможности даже войти во двор Дома. В конце 80-х годов этот Дом принадлежал медицинскому учреждению, требовал большого ремонта и пустовал.

Фото 2. Водонапорная башня на территории Дома - 1989 г.

Начало восстановления Дома.

Фото 3. Служебный дом: постройка на территории (фото 60-70-х годов).

При начале реконструкции Дома в 1989 г эта постройка была еще в худшем состоянии (крыша, чердак и полы провалились и т.п.), а поэтому это здание ремонту не подлежало и его просто разобрали, оставив только фундамент.

Фото 4. Башня на крыше Дома (июль 1989 г.).

Фото 5. Работы по восстановлению башни.

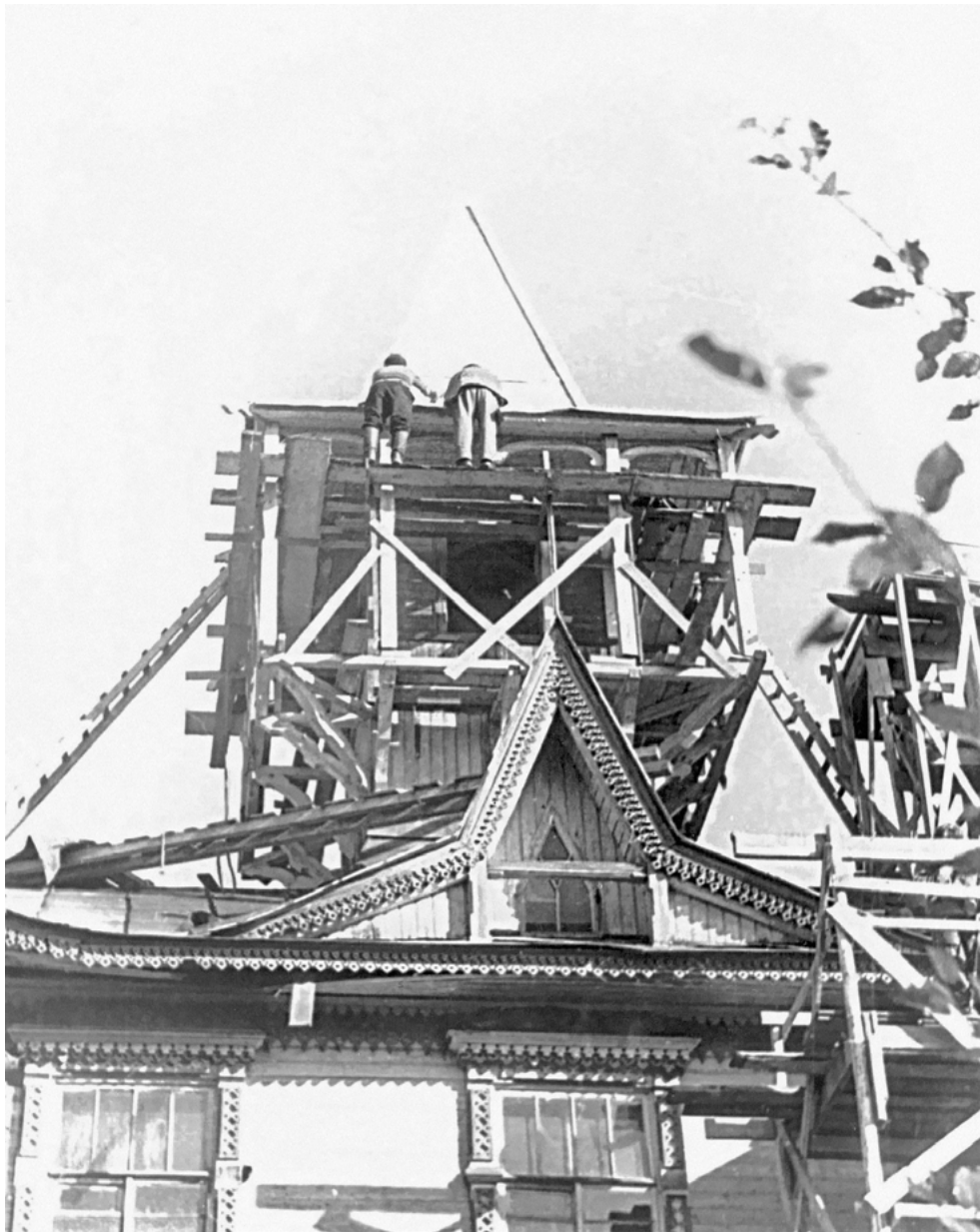

Фото 6. Работы по восстановлению башни.

На крыше Анатолий Михайлович Трофимов и Николай Федорович Гераськин.
Пенсионеры работают на высоте, без ограждений и страховок.

ПЕРЕСТРОЙКА

В середине 80-х годов в нашей стране подул ветер перемен. В обществе трезвенников тоже появилась надежда, что будут возможны какие-то изменения к лучшему. Напоминаю, что последние аресты трезвенников были совсем недавно, в 60-х годах. Еще существовал страх выхода из полуподпольного существования, но окружающая жизнь уже подталкивала к действию.

Судьба Братца Иоанна после 1929 года, – вот вопрос, который долгие годы волновал его последователей. В обществе знали, что 19 апреля 1929 года Братец был вызван в органы НКВД на допрос и не вернулся. Трезвенникам были известны два письма И. М. Трегубова о свидании с ним в Ярославском политизоляторе. И все. Много было попыток узнать дальнейшую судьбу своего Учителя, но в Советское время все усилия упирались в глухую стену. И только в конце 80-х годов небольшая группа молодых трезвенников – энтузиастов во главе с Глинским Владимиром Николаевичем решили добиваться правды.

Пользуясь наступившей перестройкой, они собрали документы и подготовили запросы о дальнейшей судьбе Братца Иоанна после 1929 года, а также его возможной реабилитации. Кроме того, решено было попробовать вернуть собственность, принадлежавшую обществу до ареста Братца. Решили начать с Дома по адресу: Гатчинский район Ленинградской области, пос. Вырица, Павловский пр. д.1. В. Н. Глинский с друзьями стали реализовывать поэтапный план: сначала надо реабилитировать Братца, т.е. снять незаслуженные обвинения, затем зарегистрировать общество, и только потом заниматься собственностью.

Для регистрации общества был собран актив из старых и молодых трезвенников. Я в собрании актива тогда не участвовал, т.к. активным себя не считал. Но мои родственники: мой тесть Кожаров Василий Николаевич, мой отец Плотников Яков Варфоломеевич, мой дядя Бакинов Геннадий Васильевич и многие мои друзья в собрании принимали участие. И из их рассказов я был в курсе всех решений.

На этом собрании были: Глинский Владимир Николаевич, Алексей Иванович Синников, Николай Павлович Фомичев, Симон Егорович Каптирмов, Геннадий Афанасьев, Вячеслав Косачев, Гераськин Николай Федорович, Павел Васильевич Морозов, Александр Захаров, Алексей Шустряков и многие другие трезвенники.

Предложения были разные, но большинством голосов утвердили название: «Общество христиан-трезвенников Братца Иоанна Чурикова», а также выбрали руководящий орган – братский совет и председателя. Общим решением актива, председателем избрали Глинского Владимира Николаевича и поручили ему заниматься вопросами регистрации общества и реабилитацией Братца Иоанна.

Эта работа была непростой и даже опасной (могли быть неприятности на работе), т.к. еще у власти была КПСС. После запросов, переданных в различные властные структуры, понимания или поддержки наши энтузиасты не нашли. Везде получены отказы или уклончивые неконкретные ответы (типа «приходите завтра»). Обращаться в Ленинграде уже было некуда, и, для завершения работы, решено было послать запрос в Москву с просьбой пересмотреть уголовное дело И.А. Чурикова и возможность его реабилитации. Учитывая сложность и важность обращения, решили почти не доверять, а послать надежного человека в Москву, чтобы доставить письмо-обращение с подписями трезвенников нарочным (надо отметить, что подписи в обращении согласились поставить далеко не все трезвенники, в том числе отказался Алексей Иванович Синников и его ближайшие единомышленники). Согласился выполнить эту важную работу по доставке в Москву обращения -- Василий Николаевич Кожаров. Он человек решительный, убежденный трезвенник с большим жизненным опытом, ветеран Великой Отечественной войны, кроме того, умел разговаривать с разными людьми. Ему было уже за семьдесят, но он был бодрым, внешне очень заметным: имел большую седую бороду и носил русские хромовые сапоги.

Этот ответственный момент я помню хорошо, т.к. это мой тесть. Время было сложное и непонятное. Власть еще была у КПСС, но началась уже перестройка, на которую возлагались большие надежды. Когда мы провозжали в Москву Василия Николаевича, настроение было очень волнительное, да и он сам не знал, вернется ли обратно???

времена изменились. Обращение трезвенников во властных кабинетах приняли, и Василий Николаевич благополучно вернулся домой. Сейчас не могу вспомнить, куда точно было направлено наше обращение (но помню, что в самые высокие инстанции, предположительно в Верховный Совет СССР). Мы все стали ждать ответа. Время шло, ответа (ни положительного, ни отрицательного) не было. Было несколько писем, что запрос получен и направлен в другую организацию. Василий Николаевич решил съездить в Москву повторно, чтобы окончательно выяснить судьбу нашего обращения.

Наконец, председатель общества В.Н. Глинский получил ответ (привожу его полностью, т.к. оригинал сохранился) из Ленинградского Городского суда от 9/ХІІ-88 № 04У-40/88 за подписью председателя В.И. Полуднякова, что: «Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 23 ноября 1988 года отменено Постановление Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 14 сентября 1929 года в отношении Чурикова Ивана Алексеевича, 1861 года рождения, уроженца Самарской губернии, Ново-Узенского уезда, деревни Передовой поселок, до ареста член сельскохозяйственной трудовой коммуны в Ленинградской области. Дело в отношении Чурикова Ивана Алексеевича производством прекращено в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РСФСР за отсутствием в его действиях состава преступления. Гр. Чурикова Ивана Алексеевича считать реабилитированным».

Эта радостная весть быстро облетела все общество. Группа активистов: И. Хлынов, А. Захаров, В. Косачев, С. Каптирмов, Г. Афанасьев и др. под руководством В.Н. Глинского начали работу по регистрации общества в органах власти и возвращению Дома Братца в Вырице.

Власти водили трезвенников по кругу долгое время: общество зарегистрировать не могут, т.к. нет конкретного юридического адреса, а передать Дом не могут, т.к. общество не официальное и нигде не зарегистрировано.

Хочу отметить, что большинство трезвенников не поддерживало работу по регистрации общества и борьбу за возвращение Дома. Много было разговоров, обсуждений. Люди не верили, что государство просто так вернет собственность. Поддержки группе В. Н. Глинского в их легком труде не оказывали.

А большая часть трезвенников во главе с Алексеем Ивановичем Синниковым не только были противниками всякой работы по регистрации общества и возвращению Дома Братца в Вырице, но даже отговаривали трезвенников помогать Глинскому. Аналогично тому, как ранее отказались подписывать обращение о реабилитации Братца Иоанна.

Алексей Иванович на домашних беседах говорил, что Братцев Дом не нужен, нам скоро отдадут Аничков дворец (в настоящее время Дворец творчества юных на Невском проспекте).

Владимир Николаевич (тогда еще молодой мой друг Володя Глинский) рассказывал мне о многих и многих препятствиях, которые ему приходилось преодолевать в этой работе.

Особо ему запомнился такой случай. Однажды Володя с очередным прошением о регистрации общества находился в кабинете Уполномоченного по делам религий Ленинграда, – Жаринова Г.С. В это время Уполномоченному поступил телефонный звонок, и секретарь попросила взять трубку. Надо сказать, в этой организации встречали трезвенников не очень-то любезно. Поговорив немного, Жаринов включил громкую связь и предложил Владимиру Николаевичу послушать разговор. Это был звонок от трезвенника – друга Алексея Ивановича Синникова (этим человеком был весьма уважаемый мною Николай Кузьмич Корнилов). Он говорил, что нам – трезвенникам, регистрация общества сегодня не нужна. Уполномоченный сказал, что здесь на приеме находится ваш председатель Глинский Владимир Николаевич и слышит этот разговор. На что брат, несколько стушевавшийся, стал говорить, что регистрация общества – это личная инициатива Глинского и его никто не уполномочил представлять общество и т.д., и т.п. Володя почувствовал как-бы удар «под дых». Огромная работа оказалась напрасной, на какое-то время опустили руки. Таким образом был получен очередной отказ. Много еще переживаний и ударов пропустил Володя через свое сердце, так стоит ли удивляться, что он скоро получил первый инфаркт.

Через некоторое время письменные обращения о регистрации общества и посещение «властных кабинетов» продолжались.

Хочу отметить, что я в работе по возвращению Дома активно не участвовал, т. к. не верил в успех дела. В то время я больше прислушивался к мнению Алексея Ивановича Синникова. Однако был в курсе всех дел, т. к. мои близкие друзья, супруга и родители активно включились в эту работу.

Так продолжалось долгое время, пока трезвенники не пошли на конфликт. Было решено устраивать молитвенные собрания во дворе Дома Братца в Вырице, подключать прессу, направлять жалобы и письма в разные инстанции и т. п. Надо отметить, что эти молитвенные собрания были незаконны и проводились стихийно, без разрешения властей, а участников могли привлечь к ответственности за нарушение законов. Многие еще помнили, что называется, «на своей шкуре», чем часто заканчивались конфликты с властью имущими. Однако уже повеял ветер перемен, который придавал уверенности.

Первое молитвенное собрание было в воскресный июньский день 1989 года. Дом Братца пустовал, на дверях висел замок, но калитка в воротах днем была открыта. Геннадий Афанасьев, «на правах» высокого роста, прибил гвоздь на входную дверь и повесил портрет Братца. Стали проводить беседу под открытым небом: читать Евангелие и беседы Братца, петь молитвы и духовные стихи. Наши присутствующие старцы рассказывали о Братце, о его Доме, его трудах. Иван Афанасьевич Кокорев (красивый высокий старец с окладистой седой бородой и в русской рубашке) читал свои стихи о Братце. Народу собралось немного (человек 20-30), чуть позже появилась милиция и вырицкие власти, но они вмешиваться не стали. Все прошло мирно и спокойно. Решили проводить такие беседы каждое воскресенье, пока Дом не будет возвращен. Однако дело стало двигаться, и таких собраний было всего 2-3. Точно не помню.

Обращений, писем, посещений в приемные дни различных чиновников Владимир Николаевич провел бесчисленное количество. Например, однажды на очередное заседание администрации в г. Гатчина по вопросу передачи Дома Братца трезвенникам, Владимир Николаевич пригласил корреспондента Ленинградского радио, ведущую передачи: «Для верующих и неверующих» (была тогда такая очень популярная передача), Татьяну Андрееву.

Корреспондента на заседание администрации власти решили не допускать, но открыто не говорили. Татьяна, имея профессиональную «напористость», указала, что заседание не секретное и они препятствуют работе свободной прессы, а это является нарушением Федеральных законов, и что придется за это отвечать (в те времена пресса имела большую власть и связываться с ней никто не хотел). Спорить администрация не стала. Так корреспондент оказалась на заседании администрации Гатчинского района и очень повлияла на конечное решение. Когда Татьяна под микрофон, стала просить чиновников конкретно ответить на вопрос: почему они нарушают Федеральный закон и не передают Дом Братца обществу трезвенников, то получала очень уклончивые ответы. Обосновать нарушения Федерального закона о возвращении собственности религиозным организациям, изъятой незаконно, они не смогли и вынуждены были решить вопрос в пользу общества трезвенников.

Несмотря на все сложности внутренних разногласий, а также противодействия власть имущих, наконец, настал день, когда В. Н. Глинский сообщил радостную новость, что есть решение властей о передаче Дома Братца обществу трезвенников в бессрочное пользование.

В первых числах июля 1989 года мы (Глинский В.Н., Косачев В. А, Каптирмов С. Е, Кожаров В.Н., мой отец Плотников Я. В., Бакинов Г. В., я и др.) впервые пришли к дому Братца с официальными бумагами уже как хозяева.

Во дворе что-то делали прежние владельцы (медицинские работники), и встретили нас настороженно. Нам объясняли, что не до конца выполнены необходимые формальности по передаче Дома, не хватает каких-то очень нужных и важных бумаг. И посоветовали обратиться к руководству вырицкой больницы, но где начальство, они не знают, когда будут, не знают, а сейчас Дом закрыт на замок. Они попросили прийти позже, в другое время, предварительно согласовав встречу с руководством больницы.

Но нам совсем не хотелось уходить, у нас ведь есть право на передачу собственности! И, посоветовавшись с друзьями, Володя принимает смелое решение: мы сейчас, а не позже когда-нибудь, войдем в Дом. Но для этого необходимо было сломать замок входной двери. В реши-

тельности Владимиру Николаевичу не откажешь. Меня, как самого молодого, послали за ножовкой. Я быстрым шагом сходил домой (у меня рядом дача), через 15 минут вернулся с ножовкой и спилил навесной замок на входных дверях Дома Братца.

Сегодня, вспоминая об этом, удивляюсь, как мы решились на такой шаг. Мы, молодые и напористые, не думали о последствиях своего «самоуправства». Но все обошлось благополучно. Медицинские работники, увидев, что мы вскрываем замок двери, препятствовать нам не стали, а повернулись и ушли. Мы остались одни на территории Дома Братца.

Как сейчас, помню свои мысли: «...наконец-то наступил этот исторический момент, начался новый этап жизни общества трезвенников, а мне оказана честь снимать замок с закрытой двери Дома. Сколько поколений трезвенников подходили к этой двери, проходили мимо Дома и мечтали о возможности посетить Дом, построенный трудами Дорогого Братца и трезвенников». Мой отец, Яков Варфоломеевич Плотников, часто мне говорил об этом.

Войдя в Дом и осмотревшись, мы увидели, в каком запущенном состоянии он находится. На первом и втором этажах все помещения разделены на палаты для больных, стены обшарпаны, штукатурка местами обвалилась, в здании давно не было ремонта, электропроводка висит, везде лежит оставленный мусор.

Однако, настроение было очень хорошее, радостное. Решили в ближайшее воскресенье провести собрание актива и наметить план действий. Попросили Симона Егоровича Каптирмова подготовить помещение на втором этаже для проведения собрания, убрать по возможности мусор, найти какие-нибудь стулья, лавки.

Всю неделю было много разговоров, обсуждений, планов. И вот первое собрание трезвенников в возвращенном Доме. Собралось чело- век 20 – 25, настроение у всех приподнятое. Сразу наметились проблемы: как охранять Дом, как оплачивать электричество, где брать средства на ремонт, где брать воду, где устроить туалет, где брать и хранить строительные материалы: доски, жерди, вагонку, железо для крыши и т.п., (нужно сказать, что в то время в магазинах строительные материалы и инструменты как правило не продавались – сплошной дефицит),

где найти специалистов: строителей, отделочников, водопроводчиков, электриков, сварщиков, печников и т.п. (кстати, фотография, которая меня подтолкнула к воспоминаниям, сделана после этого первого собрания).

Решили охранять Дом по графику: мужчины будут ночевать по одному, а женщины по двое. Нашлись добровольцы: Василий Николаевич Кожаров, Николай Федорович Гераськин, Александр Захаров, Анатолий Михайлович Трофимов, Мария Васильевна Плотникова, Антонина Васильевна Ершова и многие другие. Люди днем и ночью находились в Доме, а обедать приходили в наш дом на ул. Менделеева, где тогда жили Кожаровы Василий Николаевич с Марией Михайловной и Ольга Николаевна Комкова, пока не оборудовали кухню в Доме.

Для ремонта Дома обратились за помощью к трезвенникам: пожертвовать по возможности средства, помочь со строительными материалами, с инструментами, принять личное участие в работах. Оказалось, что наше общество очень дружное, люди жертвовали с радостью. Нашлись материальные средства и строительные материалы. Каждую субботу и воскресенье приходили добровольцы для безвозмездного труда. Энтузиазм был великий, все работало добросовестно, с большой охотой. Чтобы ускорить дело, – ведь впереди зима, попробовали нанять бригаду строителей. Однако наемные рабочие стали «гнать халтуру», и мы отказались от их услуг. Решили все делать своими силами, без наемного труда.

По прошествии времени всех тружеников поименно уже не вспомнить, но Господь их знает всех. Остались фотографии, но сейчас с сожалением понимаю, как их немного. Все-таки некоторые имена назову: наш комендант – завхоз Симон Егорович Каптирмов, главный инженер и главный строитель Павел Васильевич Морозов, главный дизайнер и художник Михаил Петрович Комков, электрики: Алексей Дмитриевич и Борис Андрюшин, водопроводчик Алексей Иванович (называемый «Кашлюн»), активные строители: Василий Николаевич Кожаров, Вячеслав Косачев, Геннадий Степанович Афанасьев, Александр Кириллович Холодовский. Позже присоединился Николай Павлович Фомичев.

Штукатуры: Антонина Васильевна Ершова и Валентина Федоровна

Медведева с помощницами, сварщица: Александра Дмитриевна Каптирмова, работники: Николай Федорович Гераськин, Александр Кукушкин, Александр Захаров (будущий священник), Игорь Хлынов (будущий священник), Анатолий Михайлович Трофимов, Анатолий Михайлович Басков, Анатолий Синников, Николай Евдокимов, Василий Петрович Миньков, Виталий Семенович Платонов, Геннадий Васильевич Бакинов, Яков Варфоломеевич Плотников, Валерий Соболев, Наталия Васильевна Дмитриева, Зоя Васильевна Комиссарова, Ольга Андреевна Матвеева, Зоя Дмитриевна, Вера Плотникова, Таня Золотая, Клара Григорьевна, Татьяна Хлынова, наш повар – Валентина Петровна и многие, многие другие.

Трудились трезвенники: и вырицкие, и городские, юные школьники и пенсионеры, специалисты с «золотыми» руками и простые работники. Приезжали помогать и сочувствующие, которые хотели встать на трезвый путь, но присматривались. Приходили целыми семьями с детьми и внуками. Работа находилась всем. Люди приходили в своей рабочей одежде, со своим инструментом, делились с ближними всем (инструментом, перчатками, спец. одеждой). Более опытные строители помогали освоить навыки строительного дела новичкам. Добровольцы не чуждались никакой грязной работы. Коллективный, добровольный, честный и безвозмездный труд очень сближал разных людей. Люди делились на бригады под руководством опытных строителей.

Разобрали все перегородки, вывезли много мусора, как с территории, так и из Дома. На чердаке многие десятилетия жили голуби и оставили килограммы птичьего помета. Нашим сестрам пришлось вручную выполнять эту грязную работу по очистке чердака. Дом дворницкой на участке (при входе слева) пришлось разобрать полностью, т.к. он не подлежал ремонту.

Александр Кириллович Холодовский возглавил работу по замене отдельных бревен в наружных стенах здания (взамен сгнивших) и ремонт окон, Василий Николаевич организовал строительство забора (привез свой станок и рубанок, настругал досок, привез на своей легковой машине из леса еловые жерди и т.п.). Борис Андрюшин и Алексей Дмитриевич заменили всю электропроводку. Антонина Васильевна с помощницами заменили штукатурку в зале и в других помещениях Дома.

Под руководством Павла Васильевича Морозова отремонтировали фундамент, фасад и крышу дома.

Михаил Петрович Комков организовал работу по архитектурному оформлению территории и дома. По оставшимся образцам совместно с Николаем Павловичем Фомичевым изготовил форму и по форме восстановил лепнину на потолке зала для бесед, а добровольные помощники ему помогали.

Восстановили котел отопления в подвале и отремонтировали систему автономного отопления. Проверили и отремонтировали дымоходы и дымовые трубы, а также батареи отопления. Отопление дома было дровяное. Уголь приобрели только к зиме. Наш водопроводчик Алексей Иванович (называемый «Кашлюн») восстановил систему водоснабжения и канализации дома. В кухню (2 этаж) провел воду. Также отремонтировали крышу и башенку на крыше.

фото 7. Группа трезвенников на участке Дома.

Сидят: Первая – Полина Кирилловна, вторая: Зоя Васильевна Комисарова, (имя не помню), Вера Плотникова.

Первый ряд – женщины: Клавдия Кирилловна, Валентина Петровна (наш повар), Антонина Васильевна Ершова, (имя не помню), Нина Ивановна, (имя не помню), Ольга Андреевна Матвеева, Наталья Васильевна Дмитриева (очевидец Братца), (имя не помню).

Мужчины стоят: Слава Косачев, Алексей Дмитриевич – наш электрик (прозвище «кашлюн»), Алексей Антонович Котюров, Александр Кириллович Холодовский, Владимир Николаевич Глинский, Николай Павлович Фомичев, Борис Андрюшин, Анатолий Михайлович Трофимов, Геннадий Васильевич Бакинов, Александр Захаров, Симон Егорович Каптирмов, Николай Федорович Гераськин.

Фото 8. Наталья Васильевна Дмитриева – старейшая трезвенница,
очевидец Братца Иоанна.

Работа в радость для всех.

Фото 9. Владимир Николаевич Глинский и Зоя Васильевна Комиссарова.

Общее дело объединяет.

Фото 10. Трезвенники за работой.

С бревном Симон Егорович Каптурмов, справа смотрит в объектив Плотников Яков Варфоломеевич, спиной – Алексей Дмитриевич – электрик.

Фото 11. Трезвенницы на субботнике по восстановлению Дома.

Валентина Ильинична, Лилия Андреевна, Клавдия Кирилловна, Полина Васильевна.

Фото 12. Борис Андрюшин с отцом – Павлом Ермолаевичем и Зоей Васильевной Комиссаровой.

Работа в радость.

Фото 13. Трезвенники за работой. На переднем плане Слава Косачев.

Фото 14. Анатолий Синников на ремонтных работах водонапорной башни.

Фото 15. Наш главный электрик – Алексей Дмитриевич.

Фото 16. Борис Андрушин, Геннадий Васильевич Бакинов,
Николай Павлович Фомичев.

Фото 17. Наши труженицы-сестры: Антонина Васильевна,
Валентина Петровна, Полина Кирилловна.

Фото 18. Разборка дома во дворе (дворницкой).

*На переднем плане – Яков Варфоломеевич Плотников,
Алексей Иванович Синников, Василий Петрович Миньков*

Фото 19. Трезвенники устанавливают первую табличку на фасад дома
(текст на табличке еще не изменен) (ноябрь 1989 г).

*Слева направо: Бакинова Надежда Васильевна, Глинский Владимир
Николаевич, Симон Егорович Каптирмов, Павел Васильевич Морозов,
Татьяна Золотая, Синников Алексей Иванович, Андрей Нечаев,
Сергей Плотников, Алексей Антонович Котиров, Сергей Гусев.*

Фото 20. Замена сгнивших несущих конструкций Дома.

Наши строители выполняли сложные работы по замене несущих конструкций без разборки здания.

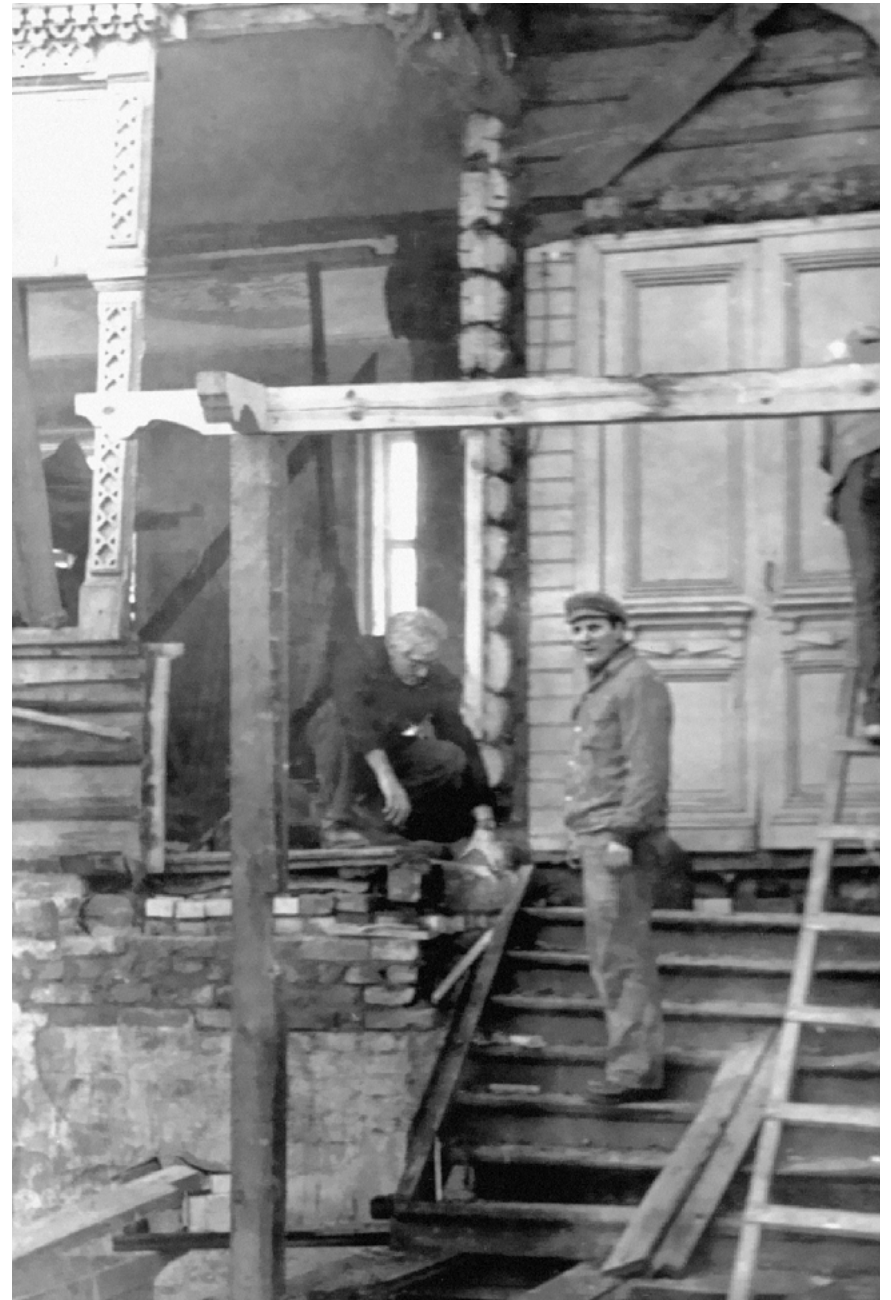

Фото 21. Геннадий Степанович Афанасьев и Петр Плотников.

Замена части фасада и строительство крыльца.

Фото 22. Сложные работы по замене несущих конструкций стен Дома.

Фото 23. Плотников Петр – автор воспоминаний.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИИ

Щи. Хочу вспомнить несколько конкретных историй наших тружеников. Для того чтобы кормить работников, женщины предложили заквасить капусту. Поручили мне купить и привезти капусты. В ближайший выходной я на своей машине привез целый багажник свежей капусты в дом Ольги Николаевны Комковой. Николай Евдокимов пожертвовал деревянную бочку, а Василий Николаевич Кожаров ее замочил, пропарил и подготовил для засолки и хранения квашенной капусты. Наши сестры трезвенницы с большим желанием и, конечно, с молитвой целую неделю резали и солили капусту. В выходные я на тачке привез полную бочку необыкновенно вкусной квашенной капусты. Из этой капусты наши добровольные хозяйки под руководством Валентины Петровны варили очень вкусные щи, а в постные дни подавали вместе с картошкой, и кормили работников всю осень и зиму.

Люстры. У Василия Николаевича Кожарова был друг, профессиональный скульптор Сергей Асланов. Он делал скульптуры из камня, гипса, дерева и др. материалов. Для Дома Братца он пожертвовал кусок массива настоящего красного дерева. Василий Николаевич решил изготовить из него 4 люстры для украшения зала бесед на первом этаже дома. Пожертвованное дерево – это кусок ствола диаметром более 1 м., длиной примерно 1,5 м. и очень тяжелый. Красное дерево уникально тем, что имеет очень красивый естественный темно-красный цвет на всю толщину ствола и хорошо обрабатывается на токарном станке. Настоящее красное дерево – редкий и дорогой материал.

Кусок этого дерева лежал на улице у помещения мастерской скульптора Асланова Сергея на Васильевском острове. Наша задача: самим привезти его в Вырицу. В то время с транспортом, а также с погрузчиками были проблемы, а точнее, их не найдешь и не закажешь. Но трезвенники решили эту проблему быстро. Один брат работал водителем грузовой машины и взял в аренду свой рабочий автомобиль. Второй – договорился на заводе им. Калинина (расположенном на Васильевском

острове) взять на два часа автопогрузчик для погрузки тяжелого дерева в автомобиль. Третий – придумал как разгрузить машину в Вырице без крана. Четвертый – привез свою бензопилу (в то время редкий дефицит) и с помощью братьев распилил данный кусок бревна на бруски.

Надо сказать, что Василий Николаевич был уникальным мастером-самоучкой, из плеяды тех русских смекалистых крестьян, которые могли все (или почти все) сделать своими руками без чертежей и сложных расчетов. За свою многолетнюю жизнь он строил дома, складывал печи, делал мебель, валял валенки, освоил сапожное ремесло, разбирался в механизмах (ремонтировал простую бытовую технику, часы и даже автомобили), и много-много других полезных и нужных в жизни вещей. Причем работал всегда с большим желанием и получал от любой работы радость.

С огромным воодушевлением начал он работу с люстрами, с раннего утра до вечера каждый день пропадая в своей домашней мастерской. На токарном станке собственного изготовления вытачивались мелкие и крупные детали, потом лакировались, выполнялась электропроводка, сборка. Все это время Василий Николаевич ходил с красной бородой (от пыли и опилок). Не один месяц понадобился мастеру, прежде чем люстры заняли предназначенное им место. Когда они были готовы и размещены на заново оштукатуренном с лепными украшениями потолке, все трезвенники оценили их по достоинству.

На мой взгляд, ценность их не в натуральном дорогом дереве и не в красоте выточенных деталей, а в том, что многолетний трезвенник, в детстве исцеленный Братцем от тяжелой болезни, – принес в дар Дому Братца плод своего труда. Эти люстры несколько лет украшали зал для бесед. Их можно увидеть на прежних фото зала после реконструкции. Забегая вперед, хочу сказать, что новыми хозяевами Дома Братца труд Василия Николаевича не был оценен. Люстры ручной работы были заменены на современные покупные, а старые убрали в пыльную кладовую подвала. Узнав, что его люстры больше не нужны, и они валяются в подвале Дома, Василий Николаевич попросил меня их забрать. Новые хозяева препятствовать не стали (все равно валяются), и люстры мне отдали. Долгое время они хранились у нас на даче. Их большой размер не позволял найти для них достойное место, или разместить в жи-

лой квартире. Дальнейшая судьба их следующая. Одна пострадала при транспортировке. Другая была пожертвована в Феодоровский собор Санкт-Петербурга и долгое время украшала помещение, выделенное настоятелем для наших бесед в ремонтируемом здании собора. При реконструкции собора она пострадала и восстановить ее не удалось. Отремонтировать их Василий Николаевич уже не смог, т.к. покинул этот мир. А две оставшиеся в настоящее время пожертвованы православному храму Покрова Пресвятой Богородицы в Гатчинском районе.

Украшения. Наш дизайнер и архитектор Михаил Петрович Комков много сил потратил для украшения Дома. Под его руководством были восстановлены лепные детали потолка в зале для бесед. Когда в Доме Братца была устроена больница и все помещения разделены на палаты, лепнина потолка почти вся была разрушена, остались очень маленькие отдельные элементы прежней красоты. После долгого обсуждения, было принято решение восстановить лепные украшения. Для этого Михаил Петрович совместно с Николаем Павловичем Фомичевым изучили забытую технологию изготовления таких деталей. Для заливки гипсовых украшений и размещения их на потолке потребовалось много смекалки. Но вот настал этот день, когда лепные украшения и весь потолок были восстановлены. Лица тружеников – реставраторов светились от радости, как, впрочем, и у всех остальных.

Монетки. При разборе хлама и мусора на чердаке наши труженики нашли небольшой мешочек (примерно 2-3 кг) медных монеток достоинством 1 и ½ копейки с годами выпуска начала 20 века. Они, конечно же, были грязные и зеленые от времени. Сохранились свидетельства, что в праздник Рождества Христова Братец дарил трезвенникам символические подарки (в память о подарках волхвов младенцу Христу): медные копейки (символ золота), канифоль (символ ладана) и маленький пузырек масла (как символ мирра). Скорее всего, найденные нами медные копейки хранились для этой цели.

Вячеслав Косачев, а он был токарем, взял эти монетки себе на работу для очистки. Монет было много и если каждую шлифовать, то

уйдет очень много времени и сил. Поэтому он придумал специальное приспособление для шлифовки одновременно нескольких монет. По окончании этой работы он передал нам красивые, сверкающие как золото, монеты. Эти монеты будут подарены трезвенникам в ближайший праздник Рождества Христова, который впервые отмечался после длительного перерыва в отремонтированном Доме Братца 25 декабря 1989 года. Это было очень почетно и символично, получить такой подарок, как бы от самого Братца, за труды по восстановлению Дома. Монеток хватило всем. Я до сих пор помню, с каким трепетом и радостью наши трезвенники принимали этот подарок. Эти медные монетки до сих пор хранятся в семьях трезвенников, участников восстановления Дома, как святыня, как награда и как памятный знак от самого Братца.

Фото 24. Одна из люстр красного дерева, выполненная Василием Николаевичем Кожаровым для Дома и долгое время украшавшая зал (современный вид).

РАБОТА В РАДОСТЬ

Местные вырицкие жители обратили внимание, как трезвенники дружно трудятся по восстановлению Дома. Приходили разные люди с разными убеждениями, с разными взглядами на деятельность и личность Братца. Мы считали и всем объясняли, что Дом Братца открыт для всех без исключения, кто любит, помнит и почитает Братца и его дело. Все разногласия оставим за забором, а в этом Доме будем вместе учиться выполнять заветы нашего духовного Учителя. Поэтому восстанавливали Дом дружно, и как у нас принято говорить – всем миром.

Общее дело стало объединять трезвенников разных взглядов. Вот несколько примеров. К Дому подошел Виталий Семенович Платонов – потомственный трезвенник (его родители трудились у Братца в коммуне) и твердый сторонник православных церковных взглядов. В это время я работал во дворе. Мы были знакомы. Подойдя к калитке, он позвал меня и спросил, кто может принимать участие в ремонте, в чем мы нуждаемся в настоящее время. Я проводил его к нашему председателю. Владимир Николаевич рассказал, что трезвенники нуждаются во всем: в средствах, в рабочих руках, в инструментах, строительных материалах, в специалистах. А в первую очередь мы хотим, чтобы Дом Дорогого Братца объединял всех, для кого он является святыней. Мы хотим, чтобы здесь было место каждому трезвеннику. Дом не частный, а принадлежит общине. Наши разногласия необходимо оставить за воротами Дома, а здесь будем стремиться к миру, любви и учиться сотрудничеству. У Братца в обществе были трезвенники разных взглядов и всем было хорошо. Через пару часов Виталий Семенович пришел в рабочей одежде, со своим инструментом и стал трудиться вместе со всеми. Руки у него «золотые», и он много сделал полезного для общего дела.

В домашней мастерской Василия Николаевича Кожарова работал один старичок (имени его, к сожалению, уже не помню). Он тоже был убежденный «церковник», очень почитал Братца, но вместе со всеми трудиться пока не захотел. Он стал нам помогать следующим образом: попросил разрешить ему трудиться в домашней мастерской Василия

Николаевича, и по будним дням выполнял очень трудоемкую работу по восстановлению и украшению внешнего фасада Дома. Искусно вырезал из дерева недостающие детали башенки, крыльца, балкона и т.п. Потом в выходные дни эти резные детали устанавливали на нужные места Анатолий Михайлович Трофимов и Анатолий Михайлович Басков. Эта старинная резьба вместе с восстановленными деталями и донныне украшает Дом.

Отец Бориса Андрюшина, – Павел, в Дом ходил редко. Однако предложил свои «руки» для общего дела. Он умел работать с железом, и выполнил из своего материала в домашней мастерской оголовки для дымовых труб и установил их на трубы. Данные оголовки были очень сложной конфигурации, и не каждому жестянщику такая работа под силу.

Василий Николаевич Кожаров привез для общего дела свой деревообрабатывающий самодельный электрический станок (циркулярная пила и рубанок). В то время данный станок – большая редкость. Станок трехфазный (380В), мощный. Способен любое бревно распилить на доски и бруски. Станок стоял во дворе и почти постоянно работал: то нужно доски, рейки или бруски напилить, то постругать. Например, забор от соседнего дома строили сами. Кто-то из трезвенников через друзей достал 8 м³ необрезной доски (очень дефицитный материал в то время). Столбы напилили из старых водопроводных труб, а наша сварщица Александра Дмитриевна приварила к ним упоры для жердей. Жерди для забора длиной 6 м Василий Николаевич привез из леса на верхнем (самодельном) багажнике своего легкового автомобиля, а доски для забора напилили и настрогали сами на станке и покрасили забор с двух сторон. Получился добротный и недорогой забор, который простоял много лет.

В Доме очень активно трудилась Зоя Васильевна Комиссарова. Она была очень агрессивных антицерковных взглядов. Характер очень сложный; всегда всеми старалась командовать, никакую критику в свой адрес не терпела. Причем, если что-то ей не нравилось, сразу делала замечание, невзирая на личности, и при этом слов не подбирала... Люди старались избегать с ней вместе работать в одной бригаде. Но, вынужденные общие работы, общение с трезвенниками разных взглядов, стали ее по-

тихоньку изменять. Она стала добрее к людям, пыталась ладить с окружающими, где-то потерпеть, не «заводиться» по пустякам. И окружающие люди стали уважать ее за ревность, жертвенный, бескорыстный труд и прощать ее сложный характер. В трудное для общины осеннее время она очень помогла. По окончании лета дачники уехали, а сторожа для постоянного проживания в необорудованном Доме было пока не найти. Кроме того, необходимо было уже отапливать недостроенный Дом, а для этого надо каждый день топить печь парового отопления в подвале (дровами или углем). Решив послужить общему делу, Зоя Васильевна сама оборудовала (с помощью братьев, конечно) себе жилую комнатку в подвале, и в трудное для общины время жила здесь, сторожила Дом и топила печь.

В Доме жил и трудился Саша Кукушкин. У него был опыт крестьянской жизни, способность к любой работе. Под его руководством заменен прогнивший пол в зале на новый (он стоит и до настоящего времени). Позже он сменил Зою Васильевну на посту сторожа.

Для зала бесед нужны были скамейки. Несколько наших мастеров столярного дела изготовили свои образцы для всеобщего обсуждения, как бы выставка-конкурс скамеек. Каждый мастер хвалил свое произведение, но общественным обсуждением был выбран только один вариант; наиболее интересный, простой и удобный в изготовлении и эксплуатации. По данному образцу своими руками были изготовлены все скамейки для зала бесед. Данные скамейки и до настоящего времени стоят в зале для бесед и служат людям.

Не обходилось и без проблем. Однажды забыли закрепить на фасаде Дома леса, и они упали вместе с находящимися на них работниками. Слава Богу, обошлось без серьезных травм. В другой раз бригада разбирала дымоход на крыше. Кирпичи сбрасывали прямо сверху, спуская их самостоятельно по крыше. Внизу не поставили ограждение или наблюдателя. Что-то не досмотрели, и падающий кирпич попал в проходящего внизу работника (к счастью, не в голову). Человек получил легкую травму. Но, в основном, все обходилось благополучно (занозы, мозоли и т.п. не в счет).

Проблемы были со средствами и материалами: с досками, вагон-

кой, железом, электропроводами, водопроводными трубами. В то время в магазинах почти ничего купить было нельзя. Строительной техники не было никакой (ни экскаваторов, ни бульдозеров, ни кранов), все делали вручную. Инструмент самый простой. Электропил, электролобзиков, аккумуляторных шуруповертов, электрических бетономешалок и т.п. в то время было не сыскать. Единственный помощник со строительной техникой – Алексей Михайлов. Он работал в соседнем совхозе в д. Мины на тракторе «Беларусь», и иногда помогал своей техникой.

Помню, был случай. Разобрали ветхий дом – сторожку (слева при входе), мусору много – завалили почти весь двор: не пройти. Кроме того, заполнили строительным мусором весь глубокий подвал сторожки. Василий Петрович Миньков договорился с местным водителем самосвала о вывозе мусора. Самосвал приехал и простаивает, т.к. мусор в самосвал грузим лопатами. Получается очень долго, а мусору еще много. Люди устали, а куча мусора не убавляется. Тут подъезжает Алексей на своем экскаваторе и быстро нагружает несколько самосвалов. За половину дня сделана работа, которую вручную мы выполняли бы не одну неделю.

Вспоминая простых тружеников, хочу отметить, какие были смекалистые люди. Когда мы приступили к восстановлению Дома, столбы входных ворот очень портили общий вид. Один сильно наклонился, а второй стоял почти ровно. Столбы очень массивные, выполнены из кирпича, оштукатурены и стояли на своем фундаменте. Необходимо было исправлять кривой столб. Но как? Разбирать кирпичную кладку и делать ее заново, – сложно, долго, не было материала, кроме того все не доходило руки. В очередное воскресенье Володя Глинский попросил Василия Николаевича подумать и предложить какие-нибудь варианты исправления. Василий Николаевич на буднях в одиночку где-то подкопал, где-то применил самодельные рычаги и лебедку, где-то подбетонировал, но столбы к очередному выходному уже стояли ровно. Все отметили смекалку мастера. Они и до настоящего времени стоят ровно и украшают основной вход во двор (правда, сейчас они облицованы современной плиткой). Я, когда прохожу мимо, вспоминаю «золотые руки» наших трезвенников.

РАСПОРЯДОК РАБОТ

Все основные работы проводили по субботам и воскресеньям. В будние дни на работы могли приходиться только пенсионеры или люди, специально взявшие отпуск, чтобы потрудиться по восстановлению Дома. Например, Александр Захаров (будущий священник) половину своего отпуска посвятил восстановлению Дома Братца, ночевал у нас, а все дни проводил на стройке. И это не единичный случай.

Работы начинались примерно в 9 часов с общей молитвы. После молитвы Павел Васильевич Морозов и Симон Егорович Каптурмов ставили задачи на текущий день, назначали старших для конкретной работы и выделяли им помощников. В 12-00 объявлялся перерыв на общую молитву (кто-то приходил несколько позже по разным причинам). Примерно в 15.00 – 16.00 общий обед. На обед подавали щи (как правило), каша или картошка – пюре с рыбой (или грибной подливой) и салат. Завершалась трапеза чаем или компотом. По праздникам хозяйки угощали пирогами. Пища была простая, но очень вкусная.

После общего обеда проводилась непродолжительная беседа о Слове Божиим, кратко напоминалась воскресная беседа Братца. Беседу читал кто-то один из трезвенников. А далее короткий отдых. Потом продолжение работ для тех, кто еще в силах, или в том случае, когда были экстренные неотложные дела, остальные расходились по домам. Законченные строительные работы принимались Павлом Васильевичем или Симоном Егоровичем. Инструмент выдавал и принимал Слава Косачев (ему выделили в водонапорной башне специальную кладовую для хранения инструмента). Принимал он только инструмент вымытый и вычищенный. Если сдавался инструмент сломанный, то работник выслушивал отеческий упрек. Но, как правило, в этом случае работник сам покупал новый инструмент и жертвовал его для общего дела.

Была какая-то радостная атмосфера вокруг, чувствовался необыкновенный подъем духа. Я знал многих местных вырицких жителей и слышал от них отзывы о том, какие трезвенники молодцы, какие труженики, какие дружные. Авторитет общины у местных жителей был на высоте.

Планов было очень много. Хотели сделать библиотеку духовной литературы и восстановить нашу святыню – кабинет Братца так, как было у его владельца, т. е. выполнить мебель, иконы, картины, и др. предметы по сохранившимся описаниям и фотографиям. Кроме того, мы планировали собрать сюда личные вещи Братца, а также другие святыни и раритеты общества. В то время довольно много таких памятных вещей, а также оригиналов фотографий и книг хранилось в домах и семьях старых трезвенников. Мы мечтали, чтобы эти святыни были доступны всем, и к ним могли приходиться все трезвенники со своими молитвенными просьбами, а также для поклонения и ощущения той атмосферы, что здесь была когда-то при Братце.

Кроме того, мечтали оборудовать мемориальный музей, чтобы сюда приходили разные люди: дети и взрослые, трезвенники и интересующиеся трезвостью, и здесь узнавали о жизни и трудах Братца, о его последователях, и непростой судьбе общества. (К сожалению, эти планы, как и многие другие, остались не реализованными в силу отсутствия интереса у новых хозяев Дома).

Кстати: наш мастер – Василий Николаевич Кожаров, когда закончил огромную работу с люстрами, предложил сделать резной красивый стул (как на известной фотографии Братца), а в дальнейшем и всю кабинетную мебель. Но это предложение тоже не нашло поддержки у нового руководства общины.

Мы мечтали, чтобы этот музей со временем стал бы просветительским центром для всех, неравнодушных к идее христианской трезвости. Этот музей (по нашим планам) не должен быть только хранилищем святынь, а призван служить делу трезвости.

В наших планах было выделить помещение для проведения молодежных встреч, собрать подборку христианских видеофильмов. В то время из-за границы появились видеофильмы на христианскую и библейскую тематику. Их стали показывать в протестантских общинах, и наша молодежь стала их посещать, чтобы посмотреть эти фильмы.

Мы собирались вырастить на приусадебном участке плодовый сад,

устроить клумбы для цветов, оборудовать детскую площадку, скамейки и беседки, чтобы люди могли на беседу приезжать заранее, отдыхать, а также в свободное время в красивых беседках, под тенью раскидистых деревьев общаться между собой. Чтобы дети могли дружить и вместе играть на детской площадке, т.к. очень хорошо, когда на беседу приезжают родители с детьми. Мы планировали, чтобы доступ в сад и музей был возможен для всех, в том числе и для местных неверующих жителей.

Но к сожалению планы оказались не выполнимы

В обществе был очень хороший микроклимат. В это лето многие из нас забыли про свои дачи, огороды и текущие домашние дела, а все субботы и воскресенья проводили в трудах по восстановлению Дома, поэтому ремонт продвигался быстро. В будние дни шла подготовка к работе: приобретение строительного материала, наладка инструмента, обсуждение как лучше и правильней выполнить ту или иную работу.

Что касается лично меня, – это был лучший период моей жизни. Так тянуло на общую работу, что просто было не дожидаться выходных. Я увидел, на что способен коллектив, объединенный великой целью и бескорыстным трудом.

В работах стали принимать участие все больше трезвенников. Люди все разные: церковные и нецерковные, делающие первые шаги к трезвости, и имеющие большой стаж в трезвости, пенсионеры и школьники. Общие дела и совместная работа объединяла всех. Незнакомые ранее люди знакомились, разговаривали, обсуждали разные жизненные вопросы во время работ, и по пути в Вырицу и обратно.

Приглашение А. И. Синникова

К нашему председателю Владимиру Николаевичу Глинскому стали обращаться трезвенники с просьбой: пригласить к общей работе Алексея Ивановича Синникова и группу его единомышленников.

Я помню эти разговоры. Володя не хотел приглашать Алексея Ивановича и всячески уходил от этого вопроса. Он напоминал, что Алексей Иванович всегда был против деятельности по возвращению Дома Братца. Володя говорил, что специально приглашать никого не будет, но если кто сам придет и будет помогать работать, то выгонять никого тоже не собирается.

В то время я был уже в составе братского совета общины и участвовал в обсуждении всех насущных вопросов. Мои взгляды в то время были такие: Дом Братца должен принадлежать всей общине, а не какой-то одной группе. И здесь должно быть место всем трезвенникам, кто любит Братца, его дело и созданное им общество. А разногласия всегда были раньше, они есть и сейчас, наверняка будут и в дальнейшем. Но наша задача научиться жить и трудиться всем вместе, вместе делать общее дело, которое нам досталось по наследству от старшего поколения. Каждый может в Доме найти для себя дело и послужить Богу.

Однажды, на очередном совете актива, вопрос перед Владимиром Николаевичем о приглашении Алексея Ивановича Синникова был поставлен ребром. Братья убеждали: мы делаем большое дело, а Господь нас учит хранить мир и жить в мире со всеми. В Доме должны быть христианские братские взаимоотношения. После длительного обсуждения, большинством голосов приняли решение: Алексея Ивановича пригласить. Владимир Николаевич сдался и пообещал выполнить просьбу актива.

Через некоторое время, по приглашению нашего председателя, Алексей Иванович Синников с группой поддержки пришли в очередные выходные и приняли участие в работах по ремонту Дома Братца.

Я хорошо помню этот первый приход Алексея Ивановича в Дом.

Мы встретили наших братьев радушно. Остановили работы (какие было возможно), провели по территории, по всем помещениям Дома, все показали, рассказали о планах на будущее и первоочередных работах, о проблемах и сложностях. Алексей Иванович много улыбался и тоже был в хорошем настроении. Все были очень рады встрече, ведь многие братья давно не общались, а некоторые встретились впервые. Кроме того, многие новые трезвенники вообще впервые были на территории Дома Братца. Конечно, помощников прибавилось, и работа стала продвигаться быстрее. У нас всех была радость, наконец-то наше общество дружное, единое. Это событие было где-то в августе или начале сентября, а впереди зима и работы еще очень много.

С Алексеем Ивановичем Синниковым я знаком с самого раннего детства. Он дружил с моим отцом, а особенно был близок с моим дядей (родным братом моей матери) – Геннадием Васильевичем Бакиновым. Ни одна семейная беседа в нашем доме не проходила без его участия, а беседы в то время собирали часто. Когда я решил жениться, то с молодой невестой приезжал к Алексею Ивановичу для знакомства. После этой встречи получил благословение на семейную жизнь, как от одного из старцев нашего общества. При проведении нашего бракосочетания он был руководителем и организатором торжественной беседы. Вместе с ним я участвовал в поездках к трезвенникам в Рыбинск, в Лугу и другие места. Я дружил и много общался в юности с его сыном Павлом. Был хорошо знаком с его дочерью Ниной и ее мужем Юрием. Они не были трезвенниками, но также бывали в нашем доме. Поэтому я был очень рад, что общее дело собирает старых друзей.

Алексей Иванович уже привык быть лидером, но на первых порах вел себя корректно, скромно. Однако, осмотревшись, он стал проявлять инициативу, давать поручения и влиять на людей. А со временем стал добиваться выполнения своих поручений, не советуясь с братьями.

Его сторонники стали больше прислушиваться к его мнению, а советы и поручения председателя, главного инженера и коменданта уходили на второй план. Во время обедов и коротких бесед за работой среди трезвенников вдруг стали подниматься вопросы, кто такой Братец, как его нужно почитать, называть и т.п. Причем постоянно навязывалось мнение, что это очень важно, и если не решить это для себя, то можно получить наказание от Бога.

Взаимоотношения Алексея Ивановича с Володей не складывались, хотя внешне было не очень заметно.

Все чаще стали слышны разговоры, что Владимир Николаевич пусть занимается ремонтом Дома, а духовными вопросами должен заниматься только Алексей Иванович Синников.

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ

Местные жители, проходя по Павловскому проспекту, часто заходили во двор и спрашивали, кто мы такие и что здесь будет. Поэтому было принято решение установить табличку на фасаде Дома. Как оформить табличку не обсуждалось, т.к. название общества было указано в учредительных документах, зарегистрированных в органах власти.

Алексей Александрович Шустряков у своих знакомых заказал и изготовил табличку из металла с надписью: «Дом общества христиан-трезвенников Братца Иоанна Чурикова». Эту табличку во время очередного субботника с участием всех работников установили на фасаде Дома. Этот момент и запечатлен на фото. Но скоро стали появляться дискуссии, что надпись на табличке неправильная и ее надо изменить, убрать слова «христиане – трезвенники». Кроме того, после обеда, во время работы и во время поездок в электричках часто стали подниматься и обсуждаться спорные духовные вопросы. Люди стали доказывать друг другу свои взгляды на трезвость, на Братца, на историю общества и т.п. При этом даже возникали громкие споры со взаимными «доказательствами».

Сегодня, вспоминая эти события, хочу отметить, что актив на это не обращал особого внимания, потому что подобные разговоры были всегда. Правда, их стало на порядок больше, но нам надо было заниматься делом. В связи с этими спорами состояние радости и даже какой-то эйфории понемногу стало улечиваться, давая место озабоченности. При проведении собраний актива или братского совета решались в основном хозяйственные вопросы. Впереди зима и забот было очень и очень много.

Через некоторое время в будний день Николай Павлович Фомичев снял самостоятельно (я не помню, чтобы его об этом просили) табличку с фасада Дома, объяснив это необходимостью ремонта наружной стены здания.

После ремонта фасада Николай Павлович устанавливал табличку

не торопился, несмотря на неоднократные просьбы. И Дом долгое время стоял без всякой таблички. Разговоры о «неправильной» табличке стали усиливаться. Сторонниками Алексея Ивановича стало навязываться мнение, что надо не только изменить табличку, но надо изменить и название общества. Причем варианты названия были разные, в том числе предлагалось принадлежность общества к христианству из названия исключить. В разговорах эти темы вытесняли все остальные. А мы, активные работники, продолжали трудиться и считали, что все эти вопросы решим потом.

Забегая вперед, скажу, что Николай Павлович в дальнейшем изменил изготовленную табличку (срубил с металла слова «общества христиан-трезвенников») и установил ее на фасаде, когда Владимир Николаевич Глинский уже не был председателем. На табличке указано следующее: «Дом Братца Иоанна Чурикова». Эта измененная табличка висела на фасаде Дома много лет. Сейчас уже табличка новая, но текст тот же. Принадлежность общества к христианам на табличке исключена.

Эти разговоры постепенно приводили к непониманию друг друга, взаимным обвинениям и даже вражде.

ИДЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Среди трезвенников, даже при жизни Братца, всегда были некоторые разномыслия: разные взгляды на Братца, на Православную Церковь, на ее догматы и каноны. Это нормально, ведь и общество состоит из разных людей. Есть люди, которые делают только первые шаги в христианской жизни, не умеют креститься, молиться, поститься и ранее никогда не читали ни Евангелия, ни других священных книг. А рядом с ними братья с большим опытом христианской жизни. Мнения человеческие могут меняться с годами, под влиянием внешних событий и обстоятельств.

Но нам важно, как понимал и чему учил основатель общества – Братец Иоанн. У него можно найти ответы на все вопросы. О своем призвании он писал (письмо №60 Сборника писем «Письмо моим друзьям и недругам. (открытое и сердечное заявление)»

«Моя цель одна: жить и трудиться в Церкви Православной для славы Имени Божия, в похвалу Его Евангелия, спасая души братьев и свою в строгом послушании святому Православному учению».

Поэтому и мы стараемся делать то, чему учил Братец. Себя Братец никогда не сравнивал со Христом, а тем более не выдавал себя за Христа. На обвинения по этому поводу, он писал письменное объяснение Министру Внутренних дел в 1915 году: «Ведь это каждому понятно, что, если кто будет выдавать себя за Евангельского Христа, тогда таковой молиться Ему не будет, таковой и просить у Христа ничего не будет, тогда Господь и молитву слышать от такового не будет, и не даст ему просимое, и таковой в болезни исцеления не получит, и таковой будет надеяться только на ложь и клевету....» (письмо №74 Сборника писем).

Я вырос в семье потомственных трезвенников, где постоянно читалось Слово Божье, знаком с детства с беседами, письмами Дорогого Братца. Также слышал свидетельства старых трезвенников, очевидцев Дорогого Братца, которые не называли Братца Христом и вторым пришествием, поэтому всерьез не относился к возможности вместо Христа поставить Братца.

Мой отец Яков Варфоломеевич был очень мирный человек и не лез никогда в эти «духовные разборки» и меня этому учил. Он стремился видеть в трезвенниках те качества, которые объединяют, а не разъединяют. Наша семья всегда поддерживала дружеские отношения со всеми группировками трезвенников. Но пришло время, когда мне пришлось столкнуться с конкретными вопросами и понятиями христианской веры, разбираться и давать ответы. Прежде всего самому себе. Конечно, этот процесс требовал времени, и он был еще впереди.

Владимир Николаевич пытался найти компромиссы, чтобы нам научиться по-братски вместе делать общее дело. Тем более, что во времена «перестройки» открылись архивы и нашлось много новых, неизвестных ранее документов о деятельности Братца. Мы считали, что в чем-то можно уступить, но согласиться, что мы – трезвенники, – уже не христиане, никак не могли. Кроме того, возникали вопросы веры и у наших подрастающих детей, которые активно помогали нам в работе по восстановлению Дома. Надо было отвечать себе и нашим детям на сложные вопросы вероучения.

ВЫБОРЫ

Приближалось радостное событие: первая беседа во вновь отремонтированном Доме. За несколько месяцев мы своими руками выполнили очень большой объем строительных работ. В начале июля 1989 года начались первые строительные работы под руководством Владимира Николаевича, Павла Васильевича и Симона Егоровича практически с нуля, и к концу декабря Дом уже был готов к проведению регулярных бесед. Есть электричество, вода, канализация, отопление, выполнен косметический ремонт внутри здания (на двух этажах), отремонтированы фундамент, окна, крыша и украшающая Дом башенка, построен забор (с внутренней стороны новый и с фасада отремонтирован), выполнен купол – крыша на водонапорной башне, в здании есть все возможности для постоянного проживания сторожа (в то время Александра Кукушкина).

Было решено провести первую беседу 25 декабря и отметить праздник Рождества Христова. Это было по-настоящему очень радостное событие. Действительно, беседа прошла очень дружно, духовно и радостно. Трезвый народ заполнил весь большой зал, много пели, благодарили Бога и Братца за его труды. С этого дня (25.12.1989 г.) беседы в Доме по воскресеньям в 14-00 стали регулярными.

Через некоторое время, неожиданно для многих, (в том числе и для меня) в обществе появились разговоры о срочной необходимости перевыборов братского совета и председателя. Объяснялось это просто: братский совет избран только частью общества, а другая часть трезвенников, которая пришла в Дом позже и активно стала участвовать в строительстве, тоже может и должна принимать участие в организационных решениях. Среди братьев пошли разговоры, кого еще включить в состав братского совета, кому еще надо высказать доверие. Часто стали возникать разговоры по обсуждению деловых качества конкретных людей из братского совета, а также из актива.

В то время я несколько не сомневался, что выборы – это простая формальность (не ошибусь, если скажу, что так считали многие и мно-

гие). Владимир Николаевич много сделал и делает для общества и пользуется большим авторитетом, прошло только полгода, как нам вернули Дом. Работы впереди очень много, а сегодня просто надо уступить и выполнить пустые организационные формальности и уважить вновь пришедших трезвенников.

Сейчас вспоминаю эту ситуацию и не понимаю: почему мы пошли на поводу этого навязываемого решения, зачем через такой короткий срок нужно было вообще обсуждать работу и переизбирать братский совет и председателя, даже формально. Успехи деятельности братского совета под руководством Владимира Николаевича Глинского были очевидны.

Начало зимы 1989 – 1990 года общество встретило в восстановленном собственными силами Доме, в котором регулярно стали проводиться беседы. В обществе хороший микроклимат, братские отношения. На воскресные беседы собирается полный зал трезвенников, авторитет трезвого общества среди местного населения Вырицы велик и т.п. Не было никакой срочной необходимости в переизбрании совета и председателя.

Но события развивались стремительно. Усилились разговоры, что Владимир Николаевич многое делает не так, его взгляды на личность Братца неправильные и не отражают мнения большинства и т.п. Эти разговоры порой не пресекались даже его самыми близкими друзьями. Позже, анализируя то время, я неожиданно вспомнил, что и со мной был предварительный и очень осторожный разговор моего близкого соратника о необходимости переизбрания председателя. Но, услышав мою твердую позицию, что это сейчас невозможно, эту тему со мной больше не поднимали. Представить себе, что цель перевыборов сведется к одному – переизбранию председателя, я в то время не мог. Хотя мне в то время было за 30 лет, я вел себя как наивный мальчик. Не мог представить, что мои братья-трезвенники могут быть способны на неблагоприятные поступки.

Тщательно анализируя и вспоминая разные факты, сейчас я вижу, какая была проведена большая тихая и скрытая работа со стороны противников Володи Глинского, в результате которой поддались на угово-

ры и дали согласие (а точнее сказать «сдали» друга) на замену председателя и некоторые его близкие друзья. А мы, его сторонники, не могли даже представить, что было все подготовлено заранее. Простая формальность перевыборов оказалась на деле спланированной акцией.

Злые языки обвиняли нашего председателя во всем, что было и не было, дело даже доходило до оскорблений. Так скрыто создавалось общественное мнение, что нам нужен другой руководитель. Глинский пусть занимается только гвоздями, досками и другими строительными делами, которые он может и умеет делать хорошо, а духовные вопросы правильно может решать только один человек – Алексей Иванович Синников.

В конце января 1990 года (точную дату не помню) было решено провести общее собрание, на котором Владимир Николаевич должен был отчитаться о своей работе и о работе братского совета, а также были запланированы перевыборы председателя и братского совета. На это собрание приглашались все желающие.

Собрание проводил Геннадий Степанович Афанасьев. В зале было полно народа, ждали доклада председателя и готовили ему разные вопросы. Учитывая сложившуюся обстановку, и, предвидя услышать очередные оскорбления, Владимир Николаевич на собрание не пришел, отговорившись нездоровьем (несмотря на советы друзей). Возможно, он обладал какой-то информацией, что уже все решено, или у него было предчувствие, потому что на буднях он приезжал, по его словам, «проститься с Домом». Я лично считаю, что это его ошибка. Возможно, если бы он присутствовал, все могло сложиться иначе. Свой отчетный доклад Володя записал на магнитофон, и сын Павел озвучил его на общем собрании.

Собрание проходило в духе того времени. Кто помнит 90-е годы, тот знает, что митинги и собрания проходили везде и по всякому поводу. Настала свобода, и народ как бы вырвался из клетки: везде выбирали, рекомендовали, агитировали, обсуждали, спорили, до всего было дело, у каждого есть свое мнение на все события. И это свое мнение необходимо высказать всем. Наше общество шло в ногу со временем.

Ведущий определил регламент и предложил высказываться всем же-

лающим. Началась дискуссия. Кто-то одобрял работу, кто-то нет. Шум был большой. После общей дискуссии было проведено тайное голосование специальными бюллетенями. По итогам подсчета голосов, постановили, что братский совет переизбирается на новый срок в полном составе, а вопрос выбора председателя общества поручается решить самостоятельно братскому совету. Я успокоился и поверил разговорам, что вопрос решен и все остается по-старому. Владимира Николаевича снимать никто не собирается. Кстати, интересно, что самые голосистые крикуны, обвинявшие Глинского во всех грехах, вскоре покинули общину, и мы их больше не видели.

Через несколько дней братский совет собрался на квартире у Геннадия Афанасьева. На повестке стоял один вопрос: выборы председателя общины. Я не буду описывать подробно, как проходил этот совет, хотя все помню. Как я считаю, – с этого момента, к великому сожалению, и произошел окончательный раскол общества.

После обсуждения повестки и взаимных упреков между братьями, а также упреков и оскорблений в адрес председателя, мнения братского совета разделились. Предложено было три кандидатуры на должность председателя: Глинский Владимир Николаевич, Синников Алексей Иванович и Бакинов Геннадий Васильевич. Алексей Иванович Синников свою кандидатуру неожиданно для всех с обсуждения снял, и большинством голосов членов братского совета председателем общества был избран Бакинов Геннадий Васильевич. Геннадий Васильевич всегда стремился к миру и имел большой авторитет среди всех братьев.

Владимир Николаевич воспринял это известие, и вообще все заседание совета, как предательство со стороны близких ему людей. Друзья, которые вместе с ним проводили большую и опасную работу по возвращению Дома Братца, регистрации общества, делили все радости и горести, послушали наговоров злых языков и проголосовали за его отставку. Прошло всего полгода совместного труда, а работать ему уже не дают.

С братского совета он ушел до его окончания угнетенным и разочарованным.

А я остался в составе братского совета. Я думал, что страсти улягутся, эмоции утихнут и можно будет опять трудиться вместе. Разум и об-

щее дело должны взять верх над временными искушениями. Геннадий Васильевич Бакинов – новый председатель, как человек мудрый и уважаемый, сможет опять всех примирить и объединить.

Забегая вперед, скажу, что председателем общества Геннадий Васильевич был недолго. Он честно и добросовестно выполнял свои обязанности, пользовался авторитетом среди трезвенников и много потрудились, чтобы опять объединить общество. К Владимиру Николаевичу он всегда относился с уважением, и вселял ему мысль отнестись к этим событиям, как к испытанию веры и продолжать трудиться в общине. Но, примерно через год – полтора, ему также создали обстановку, в которой он не смог дальше быть председателем и добровольно сложил с себя полномочия. Должность председателя общества занял Синников Алексей Иванович. Причем, смещение Геннадия Васильевича произошло уже без общего собрания, а решением братского совета.

Хочу отметить, что после изгнания Глинского, общее собрание трезвенников уже больше никогда не проводилось.

РАСКОЛ

После исторического решения братского совета у меня наступило время апатии. Что будет дальше, как будут развиваться события, чем заниматься? В Доме Братца я стал бывать значительно реже. Я ушел в работу. Обретенное свободное время в выходные дни меня не радовало. Ощущение было, что после быстрого и длительного бега я резко остановился, а точнее сказать: после наполненной событиями жизни, – время остановилось.

Сторонники Глинского пытались его ободрить и вновь вдохновить на труды в обществе. Противники старались убедить всех в правильности принятых решений.

Владимир Николаевич также находился в апатии и потерял интерес к общине. Кроме того, занимаясь регистрацией общества, он приобрел знакомых среди протестантов. В частности, среди евангельских христиан, которые собирались тогда в Доме Евангелия на ул. Боровой. Владимира Николаевича, как талантливого проповедника, хорошо знающего Святое Писание, стали приглашать участвовать в собраниях и выступать там с проповедями. В то время евангельские христиане были очень активны и популярны в городе, они уже имели свои молитвенные здания, на их собраниях присутствовало много молодежи, произносились интересные, захватывающие евангельские проповеди. Общее впечатление дополняли прекрасные хоры с использованием музыкальных инструментов и т.п. Духовная жизнь в этих общинах была очень активная и интересная. Владимир Николаевич получил приглашение вступить в их ряды.

В нашей же общине духовная жизнь свелась к спорам, кто такой Братец, кто «правильный» трезвенник, а кто нет. Это было слушать скучно и не интересно, и в этих спорах терялся мир и духовная радость. Кроме того, из-за внутренних разногласий из общины ушло много активных и интересных людей, в том числе молодежь. Кто-то ушел к про-

тестантам, кто-то стал ходить в православную церковь и порвал связи с обществом, отдельные группы снова стали собираться по домам, кто-то вообще ушел в мир и уже не вспоминал об обществе трезвенников.

В то время у Володи шла большая душевная борьба. С одной стороны, – он был обижен и разочарован, что по-человечески, конечно, понятно. С другой, – было понимание, что, присоединившись к протестантам, он теряет верных друзей-трезвенников, да и Дорогой Братец не жаловал протестантов. В те времена мы с Владимиром Николаевичем очень сблизились. Много беседовали, и прошлое вспоминали, и о будущем думали. Нас не оставляла мысль о наших подрастающих детях. Куда им податься, к какому сообществу прибиться? Я его уговаривал продолжать трудиться в общине трезвенников. После долгих душевных терзаний, Володя решил, что он, в 8 лет сознательно ставший трезвенником Братца Иоанна, останется им до конца.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Планы духовной работы в вырицком Доме Братца рухнули, а мы привыкли все воскресные дни проводить вместе на беседах. Немного погоревав, было решено: несмотря ни на что не прерывать эту традицию. Вначале наши беседы проводились в домашних квартирах по очереди, а затем мы арендовали специальное помещение: читальный зал библиотеки в ДК 1 Пятилетки (на этом месте сейчас построено здание второй сцены Мариинского театра). Нас было немного, всего несколько семей и наших друзей, но хорошая дружеская и братская обстановка нам очень помогла в то время.

Мы стали интересно проводить свободное время. Наши дети воскресные дни и праздники проводили вместе и очень сдружились. Владимир Николаевич придумывал разные увлекательные и полезные мероприятия: от общих паломнических поездок, до добрых запоминающихся домашних бесед. Стал периодически проводить лекции на библейские сюжеты: увлекательно рассказывал о Моисее, Давиде, Соломоне и т.п. с обсуждением об услышанном. Во всех этих встречах активно участвовали и наши дети.

На наши беседы стали приходиться новые люди, интересующиеся трезвостью. Нас поддержали и отдельные старые трезвенники, невзирая на негативное отношение к нам «вырицких» братьев: Бакинов Геннадий Васильевич, Плотников Яков Варфоломеевич, Кожаров Василий Николаевич, Троценков Геннадий Петрович и др. Духовная жизнь нашей небольшой общины стала налаживаться

В «вырицкой» общине формально председателем числился Бакинов Г. В., но все основные вопросы, в том числе и идеологические, решал лично Алексей Иванович. К нашей общине у него было только отрицательное отношение, видимо, его раздражало, что мы не рассеялись «яко дым», а организовались и проводим беседы. Нас постоянно унижали, запрещали трезвенникам общаться с нами. Доходило до того, что бывшие старые друзья-трезвенники даже своих детей к нам не пускали, хотя они вместе выросли и раньше дружили. На беседах постоян-

но внушалось, что мы «неправильные» трезвенники и исказили идею Братца, и, если люди будут посещать наши беседы, – потеряют веру, нарушат трезвость, и Братец их за это накажет.... Однако, несмотря ни на что, беседы по воскресеньям в ДК 1 Пятилетки стали регулярные, интересные и численность нашей общины стала увеличиваться.

Руководящие братья из Вырицы даже стали остерегаться, что ехать на беседу в Вырицу далеко и билеты дорогие, и трезвенники (кто посмелее) начнут посещать наши воскресные беседы в городе. Поэтому в «вырицкой» общине было принято решение зарегистрировать еще одну общину в городе и проводить беседы по понедельникам. Эту общину будет возглавлять Николай Евдокимов, для этого было арендовано помещение в «Институте холодильной промышленности» на ул. Ломоносова д. 9 (если кратко: «Холодильнике»). В «Холодильнике» стали проходить беседы по понедельникам в вечернее время. По приглашению моего отца и Геннадия Васильевича несколько бесед в «Холодильнике» я тоже посетил. Община Николая Евдокимова постоянно старалась конкурировать с нами.

В то время мы с Владимиром Николаевичем еще состояли в старом братском совете общества, т.к. избраны были на общем собрании (до разделения). Была предпринята попытка собрать общий совет трезвых общин с центром в Вырице, т.к. было зарегистрировано было уже несколько общин трезвенников. Среди руководящих братьев чувствовалось постоянное напряжение, не было открытости, присутствовал нехристианский дух нетерпимости. Совет хоть и назывался братским, но отношения стали не братские. При встречах сразу начинали спор, кто такой Братец, и кто «правильный» трезвенник, а кому еще не «открыто».

У меня в памяти остался такой случай. Наш новый председатель Бакинов Геннадий Васильевич на очередном братском совете внес предложение: освятить вновь отремонтированный Дом Братца по-православному, с приглашением священника. Это не выдумка Геннадия Васильевича, а продолжение прежних традиций. В истории общества оставлен нам пример: когда был построен дом в Обухово, Дорогой Братец пригласил священника для исполнения обряда освящения дома. Это известный факт.

На братском совете этот вопрос обсуждался, много было разговоров, споров. При молчаливом согласии Алексея Ивановича Синникова большинством голосов было принято решение: для освящения Дома пригласить о. Бориса Глебова, известного и уважаемого в нашем обществе протоиерея. Назначили примерную дату и стали готовиться к этому событию.

Однако этому не суждено было свершиться. Николай Евдокимов (в то время член братского совета) заявил, что священника в Дом Братца не пустит, т.к. они (священники) гнали Братца. Для этого он встанет с топором у входа, и, если потребуется, то будет оборонять свою святыню любыми способами. Уговорить его уважить решение братского совета и не позорить общество, у старших братьев не получилось. Поэтому решили это событие отложить до лучших времен.

Другой пример: в 1994 году община отмечала 100 лет со дня «Первой проповеди Дорогого Братца». Это было 20 ноября, день воскресный. Решили сделать очередную попытку отметить эту дату в единстве с «вырицкой» общиной. Заказали большой туристический автобус и организованно приехали на общую беседу в Вырицу. С собой привезли много подарков «вырицкой» общине к юбилею. Это были продовольственные гуманитарные наборы, полученные от благотворительных организаций. В 90-е годы это было совсем не лишним. Трезвенникам нашей общины мы говорили, что данный праздник хотим отметить вместе, что Дом Братца – это особая святыня нашего общества, и здесь наши братья. Некоторые братья и сестры нашей общины посетили Вырицу впервые. Мы приехали в Дом с хорошим радостным настроением.

Николай Евдокимов, узнав о нашем желании организованно посетить беседу в Вырице в этот праздничный день, также заказал автобус, и со своей общиной (из «Холодильника») приехал в Вырицу. Однако, наш автобус на беседу прибыл раньше. Вырицкие братья встретили нас плохо, не по-братски. При наличии свободных мест в зале, просили их не занимать (что вызвало некоторое недоумение у новых трезвенников), т.к. ждут автобус Николая Евдокимова. И, хотя были свободные места, некоторым нашим трезвенникам пришлось стоять.

При проведении беседы, высказывались нелестные слова о нашей общине, о Владимире Николаевиче. Кстати, слово для праздничного поздравления ему предоставили только в конце, когда уже все устали и надо было заканчивать праздничную беседу. Наше радостное настроение постепенно улетучилось, и мы вернулись в город несколько подавленные и разочарованные.

Из состава общего братского совета нас с Владимиром Николаевичем стали вытеснять, причем, как-то совсем некрасиво.

Помню такой случай: Владимира Николаевича и меня на очередное собрание братского совета не пригласили. Узнав о собрании от друзей, и уточнив у секретаря совета Юрия Ивановича Савельева, что нас еще официально не исключили, мы с Володей пришли на собрание. Однако, нас попросили его покинуть до начала работы, т.к. будут обсуждаться вопросы, нас не касающиеся. Мы покидать совет не собирались, т.к. выбраны были на общем собрании, и никто нас не исключал. Препирательство и выдворение нас продолжалось примерно час. Затем мы покинули собрание совета. Вместе с нами в этот раз ушел Геннадий Васильевич и мой отец, и этим собрание было сорвано (не было кворума). Через некоторое время общий братский совет добровольно покинул Владимир Николаевич, не выдержав всех унижений.

Я не хотел добровольно покидать руководящий орган общины – братский совет, – и мое пребывание в нем поставили на голосование. Мне поставили условие: или покинь Глинского, или голосованием будет решен вопрос о моем пребывании в совете. Мои доводы, что Глинский мой друг и трезвенник, что мне все дороги, я не хочу уходить из общества, да мне и идти некуда, ведь я вырос в трезвом обществе, и т.п. – не были услышаны. При голосовании большинством голосов меня исключили из состава общего братского совета.

Конечно, для меня это был тяжелый удар, я очень переживал эти события. До последнего момента я надеялся, что до этого не дойдет, что старшие братья, которые меня знали с детства, с которыми дружила наша семья многие и многие годы, вдруг скажут: «уйди, ты не наш, ты не нужен», и не только скажут, но и проголосуют за это. Кроме того, было большое давление на моего отца. Его друзья постоянно внушали

ему мысль, что я позорю общество трезвенников, унижали и оскорбляли его из-за меня. По прошествии лет, я думаю, что больше меня все эти события переживал мой отец, но даже он не мог ни на что повлиять.

Все последующие попытки примирения общества (с нашей стороны) заканчивались еще большей враждебностью (с другой стороны).

ОБУХОВСКИЙ ДОМ

Мы решили оставить Дом Братца «вырицкой» общине, и прекратить попытки призывов к миру и взаимопониманию, а заняться работой в своей общине и начать трудиться по возвращению Дома Братца на станции Обухово в Санкт-Петербурге. Этой идеей загорелся Владимир Николаевич, хотя уже без особого вдохновения.

Из истории общества мы знали, что Обуховский дом построен на средства и руками трезвенников, и до революции принадлежал общине, но документов, подтверждающих это, мы не имели никаких. В начале 90-х годов, этот дом был не жилой и техническое состояние его было еще более плачевное, чем Вырицкого дома.

Мы стали собирать документы. Надо было собрать разные архивные справки, что дом в Обухово построен на средства общества и изъят у общества незаконно. Кроме того, нужно было установить, кому в настоящее время принадлежит этот дом (в то время не было в открытом доступе единого реестра). Только после проведенной этой «бумажной» работы необходимо было готовиться к судебным тяжбам по возвращению дома трезвенников в Обухово.

Несколько слов об истории этого дома, которую мы узнали, работая в архивах.

В 1911 году силами членов общества трезвенников (без применения наемного труда) был построен специальный молитвенный дом за Невской заставой. 27 сентября 1911 (согласно официальных документов) Иоанну Алексеевичу Чурикову губернатором Санкт-Петербурга было выдано свидетельство с разрешением открыть там зал для духовно-нравственных бесед в селе Александровском по Троицкой дороге №60 (тогда такой был адрес). 29 декабря 1918 года дом был реквизирован (со всем имуществом) для размещения красноармейцев. После неоднократных жалоб и обращений трезвенников в различные инстанции (вплоть до управляющего делами Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Д. Бонч-Бруевича) вернуть реквизированный дом за Невской заставой, – здание то возвращали, то снова отнимали. В 1923 году дом пред-

ложили взять в аренду сроком на три года, и по окончании срока аренды новый владелец дома (РОНО Володарское) отказался возобновлять договор. К началу 1928 года общество трезвенников окончательно было выселено из своего собственного дома №60а по Троицкой улице.

Работа по собиранию «бумажек» продвигалась медленно, но успешно. Нашлись даже влиятельные люди, готовые помочь нам в сборе нужных документов, и могущие подсказать, какие кабинеты власти необходимо будет посетить в первую очередь. Эта новая большая работа опять вдохновила Владимира Николаевича, и он опять погрузился в это непростое, но знакомое ему дело. Дом в Обухово находился в то время в заброшенном районе рабочей окраины Обуховского завода и железнодорожной станции «Обухово», пустовал и медленно разрушался. КАД в то время еще не существовал даже в планах.

По прошествии длительного времени, необходимые документы были собраны для начала судебной тяжбы по возвращению дома в Обухово. Как нам подсказывали знакомые юристы, шансы у нас были.

Однако, неожиданно появились проблемы с другой стороны. Вырицкие братья во главе с Николаем Евдокимовым также начали работу по возвращению дома в Обухово. Все понимали, что планы наши более реальные, опыт по возвращению собственности обществу у Владимира Николаевича имеется. Кроме того, для общины иметь собственность в городе лучше, чем в области. Ездить на беседы в Вырицу далеко и многим дорого. Наши предложения к Алексею Ивановичу об объединении усилий в данной работе наталкивались на глухую стену нетерпимости, откровенного унижения и даже оскорблений. Нам постоянно указывали, что мы никто и звать нас никак, а все права на Дом в Обухово имеет только община Николая Евдокимова.

Я помню, как мы собрались с активом трезвенников нашей общины во главе с Владимиром Николаевичем и решали вопрос: что делать дальше. Документов и архивных справок, что община является правопреемником незаконно отобранной собственности, – у нас было достаточно. Кроме того, нашлись влиятельные люди (из помощников депутатов городского Законодательного Собрания), готовые нам помогать. По предварительным данным, от нашей общины требовалась неко-

торая сумма денег для внесения в бюджет (в то время правообладателю – государству) для компенсации собственнику за передачу дома в Обухово (а точнее, остатков от него) в пользование обществу. Сумма была большая, но подъемная. Перед нами было два пути: продолжать борьбу за собственность, в том числе с братьями – трезвенниками, или отказаться.

Наши христианские убеждения не позволили нам воевать (судиться) с братьями за собственность. Все шло к тому, что суды будут длительные, имя Братца будет в поношении у неверующих. Люди будут смеяться над нашим Учителем и над всеми нами, видя, как мы, трезвенники, между собой боремся и грыземся за собственность. (Ведь Евангелие учит: лучше быть обиженным, чем обижать (1 Кор. 6: 7.8)). И, после бурных обсуждений, мы решили не заниматься возвращением дома в Обухово. Пусть наши братья пользуются и этой собственностью, а нас Бог не оставит.

Я не владею информацией о всех тонкостях процесса, но знаю, что Николаю Евдокимову отказали в возвращении дома в Обухово (или не собрал необходимых справок, или не стал подавать документы, или по какой другой причине).

Хочу сказать свое мнение: жалко, что мы, наследники дела Братца, оказались недостойными в этот исторический момент. Наши разногласия не позволили завершить очень нужное и важное дело, и владеть домом в Обухово нам не суждено.

Через несколько лет после этой истории, земля в Обухово сильно поднялась в цене, недалеко станция метро и КАД. В настоящее время этот дом, построенный нашими предками, отремонтирован и принадлежит какой-то частной организации. Следовательно, безвозвратно потеряны для общества.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Господь нас не оставил. Наша община несколько лет собиралась каждое воскресенье в арендованном помещении читального зала библиотеки ДК им. 1-ой Пятилетки. Господь благословил встретить на нашем пути настоящих достойных пастырей православной церкви в лице о. Владимира Сорокина и о. Александра Сорокина. Они пригласили нас собираться после литургии в православном храме Новомученников и Исповедников Российских и проводить беседы о трезвости, о Евангелии. Сегодня мы собираемся в Просветительском центре Феодоровского собора Санкт-Петербурга (в одном из центральных православных соборов СПб).

Летом 1995 году актив нашей общины принял в своей резиденции на Каменном острове митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Владыка познакомился с деятельностью Братца и благословил нашу общину трудиться на ниве православной трезвости.

Сейчас мы стараемся участвовать во всех мероприятиях, проводимых православными трезвенниками СПб митрополии (православные выставки, крестные хода, трезвеннические конференции и т.п.). Проводим экскурсии по историческим местам нашего города, связанными с деятельностью Братца Иоанна. У нас хорошие и деловые взаимоотношения с общинами трезвости православных приходов СПб Митрополии, мы участвуем в работе совета трезвых общин при Центре противодействия наркомании и алкоголизма СПб Митрополии.

Несколько братьев нашей общины стали священниками и активно проводят идеи трезвости. Видеофильмы, подготовленные и изданные нашей общиной о Братце и его деятельности, о христианской народной трезвости пользуются популярностью в сети Интернет. Члены нашей общины проводят регулярные еженедельные передачи о трезвом образе жизни на христианском радио «Мария». Силами общины переизданы труды Братца – сборники Бесед за 1910-1912 гг, на которых было воспитано не одно поколение трезвенников, а также издана книга «Апостол Трезвости», рассказывающая о жизни и трудах Братца Иоанна. На

средства нашей общины в память о пострадавших трезвенниках в годы репрессий, изготовлен и установлен памятник на Левашовском мемориале, где регулярно проводятся панихиды.

Каждое воскресенье проходят наши регулярные беседы, наши дети выросли в трезвости и продолжают по мере сил трудиться в общине.

С трезвенниками из Вырицы у нас взаимоотношений никаких нет, т.к. нашу православную общину трезвости за последователей Братца они не признают. Наши все призывы: изучать заветы Братца, а не подстраивать их под свою выдуманную идеологию, – встречают непонимание.

Сейчас в «вырицкой» общине сменилось поколение. О тех событиях 30-летней давности уже никто не вспоминает (не помнят, не знают или не хотят знать). А если и заходит об этом разговор, то с большими искажениями. И, самое печальное, что имя человека, послужившего обществу, добившегося реабилитации Братца в те нелегкие времена и вернувшему трезвенникам Дом Братца Иоанна в Вырице, – не упоминается вовсе, или упоминается в отрицательном смысле. Впрочем, для истории это не ново, это почти норма. Плохо то, что мы, трезвенники Братца Иоанна, ничем не отличаемся от других людей. События тех далеких лет это явно показали. Борьба за собственность, тщеславие, стремление себя приукрасить, а брата очернить и т.п., – не достойны христиан. Думаю, и Дорогой Братец страдает, видя такими своих последователей. Но у Господа все достойные имена вписаны в Книгу Жизни.

Поэтому, цель моих воспоминаний, как активного участника и очевидца тех событий, рассказать, что было на самом деле. Я не претендую на истину в последней инстанции, какие-то детали я мог упустить, забыть (к сожалению, не вел дневниковых записей) и конечно, вспомнил далеко не все.

Надеюсь, что найдутся люди, которые захотят узнать историю общества в этот сложный период. Твердо верю, что молитвами Дорогого Братца наша трезвая община будет иметь благословение Божие и в дальнейшем. Слава Богу за все!

Р.С. Во вставке брошюры размещены фотографии из моего семейного альбома. Сегодня очень жалею, что так мало снимал в тот период.

Данные фото – это часть моей фотовыставки, оформленной Михаилом Петровичем Комковым для праздника – первой беседы в отремонтированном Доме Братца и размещенной в зале на первом этаже 25.12.1989 года.

Автор: Петр Яковлевич Плотников, декабрь 2021 год